

СУББОТНЯЯ

ВСТРЕЧА

Театре

— Вас любят именно за кинокартины. Почему решили перекалифицироваться в театральные режиссеры? Помните, на первую вашу театральную постановку во МХАТе «Контрольный выстрел» отзывы критиков были не очень-то лестными.

— А вы читали когда-нибудь лестные отзывы о моих фильмах?

— Ну конечно, ведь «Место встречи изменить нельзя» — классика.

— Ее ругали, как и все мои картины, говорили, что это не искусство. В 82-м, когда фильм уже дважды прошел по экранам, я поехал с этой картиной на Первый Всесоюзный фестиваль телефильмов в Ереване. Там было до черта призов: первая премия, две вторых, третья, приз журналистов, беремных женщин, не помню кого еще. Единственная картина, которая не получила там никакого приза, ни премии, ни диплома, была «Место встречи изменить нельзя». А сейчас вы говорите — классика. Почему? Потому, что время — лучший судья. Проходит пять-шесть лет, и выясняется, что картина «Ворошиловский стрелок», например, которую считали агиткой и мерзостью, — хорошая картина. Так что время — самый строгий и объективный критик.

То же самое и с театром. Вот вы говорите, на спектакль во МХАТе у Дорониной не было ни одного хорошего отзыва. Но он — единственный спектакль, который идет при аншлаге вот уже четыре года. А больше мне ничего не надо. Я надеюсь, что такая судьба ждет и «Па-де-де» в «Школе современной пьесы».

— «Па-де-де», по-моему, ваша первая комедия. Все предыдущие работы, напротив, были глубоко серьезные, местами даже мрачные. Вам захотелось улыбнуться?

— Нет, ну я же не Клинтон, чтобы улыбаться по заказу. Ведь веселый человек — это не тот, кто улыбается, а тот, кто может заставить улыбнуться других. Вы видели когда-нибудь юмориста, который бы всегда хохотал и улыбался? Как правило, это люди мрачные: Чарли Чаплин, Макс Линдер, Юрий Никулин, Михаил Жванецкий, Михаил Зощенко. Ведь когда сидишь с ними — тоска зеленая. А стоит им взять перо, выйти на сцену — совсем другое кино. Так что я веселый улыбчивый хохотун. Кстати, «Контрольный выстрел» во МХАТе — тоже комедия.

— Как вы относитесь к такой «веселой» теме, как грядущая бюджетная реформа в сфере культуры? Говорят, это чревато реставрацией цензуры...

— Мы часто боимся цензуры напрасно. Нет ни одной страны, где нет цензуры в той или иной форме. Общество должно заботиться о воспитании подрастающего поколения, контролируя поток информации. А у нас нравственная цензура пока совершенно отсутствует. И мы чуть ли не последняя страна, где продолжает существовать цензура политическая. Вот это плохо.

— А почему для постановок в театре вы выбираете именно современные пьесы, а не классику?

— В театре классика мне не интересна. Выпустить персонажа Островского в кроссовках или же одеть Тартюфа в форму эка у меня совести не хватает, пусть другие выпендриваются. А удивить сегодня можно только такими внешними фокусами. Публика уже отвыкла от реалистического театра, хотя тенденция возврата к нему есть. Поэтому берусь за современную пьесу. Дело в том, что найти ее, чтобы понравилась, не так просто. «Па-де-де» Татьяны Москвиной — редкое и приятное исключение.

— Последние ваши работы посвящены теме любви: картина «Благословите женщину», спектакль «Па-де-де», где сразу три зарисовки неустроенной женской судьбы. Вы стали сентиментальны?

— Ну почему, совершенно неизвестно, что я буду снимать завтра, может, это будет «Гибель Варяга». Просто любовь — это самая сложная тема. К ней надо подходить с достаточным опытом.

— Вы дружили с Владимиром Высоцким. Как вы считаете, согласился бы он играть в современных постановках, в том, что называется новой драмой?

— Я не знаю, но он был достаточно консервативен, в том смысле, что он вырос на хороших традициях. Что-то он бы, конечно, принял, а что-то нет. Вот, например, в своей записной книжке я обнаружил такую его цитату: «Если утону, то ищите меня вверх по течению». Так и я: всегда стараюсь идти против течения и в политике, и в театре с кино.

Кино

— А где легче сегодня зарабатывать деньги: в политике, в театре или в кино?

— Ну, в политике можно только взятками заработать. У меня жена любит шутить: «О вас везде пишут, что взятки берете, чего ж домой-то не несешь?» Сегодня прилично можно заработать в кино, ведь кино благодаря мне и моим товарищам встало на ноги. Я могу назвать этих людей: Николай Губенко, Гаяль Волчек, Владимир Досталь, Иосиф Кобзон, Армен Медведев. Могу отчитаться и о своей работе. Достаточно сказать, что кино в 1996 году находилось в полном развале, казалось, что все — конец. Прошло буквально пять-шесть лет, и оно выросло как на дрожжах. Почему? Главным образом благодаря Закону «О государственной поддержке кинематографа» и устойчивому, год от года повышающемуся финансированию со стороны государства. В Думе было жесткое кинематографическое лобби: Говорухин, Николай Губенко. До моего прихода в Комитет по культуре кино финансировалось на 40–30–50% от строки, записанной в бюджете. Сегодня — на все 100%, бывает и больше.

— Сейчас Комитет по культуре возглавляет Иосиф Кобзон. Вы можете влиять на его решения?

— Да, он наш преемник. Но, конечно, он занимается культурой вообще и лишь в частности кинематографом. Что касается моих рекомендаций, то пока ко мне прислушиваются, но все меньше и меньше. Что будет дальше, сложно сказать.

— А Союз кинематографистов занимается этими вопросами?

— Сегодня руководство Союза кинематографистов занимается только собственными интересами. Все, к чему оно прикладывает руку, наоборот, разрушается. Нужно было создать еще одну киноакадемию — как будто у нас столько картин и лишних денег, что одной академии не хватает. А киноцентр погиб, «Ника», которой пятнадцать лет, тоже помешала. Осталось разрушить Дом кино, и это, кажется, не за горами. И тогда забудут, что была такая влиятельная организация, как СК.

— Г-н Островский как председатель

Создатель культовых, неизменно востребованных народом фильмов. Экс-кандидат в Президенты России и активный политик. Рыцарь мрачного образа — таким мы знаем Станислава Говорухина, который недавно повернулся к зрителям другой стороной: поставил театральную пьесу с балетным названием.

29 марта — день рождения режиссера. Накануне корреспондент «МК» отправилась к мэтру в театр,

чтобы честно и нелестно узнать, чем вызвана такая смена творческих ориентиров.

Я узнала намного больше, чем рассчитывала. Свидетельствую: Станислав Сергеевич отнюдь не изменяет ни «месту встречи», ни своим

принципам и ценностям, что само по себе

нынче большая редкость.

Ну разве что по мелочам...

Например, обещал

уделить полчаса, а

беседовал два с лишним

даже три раза улыбнулся!

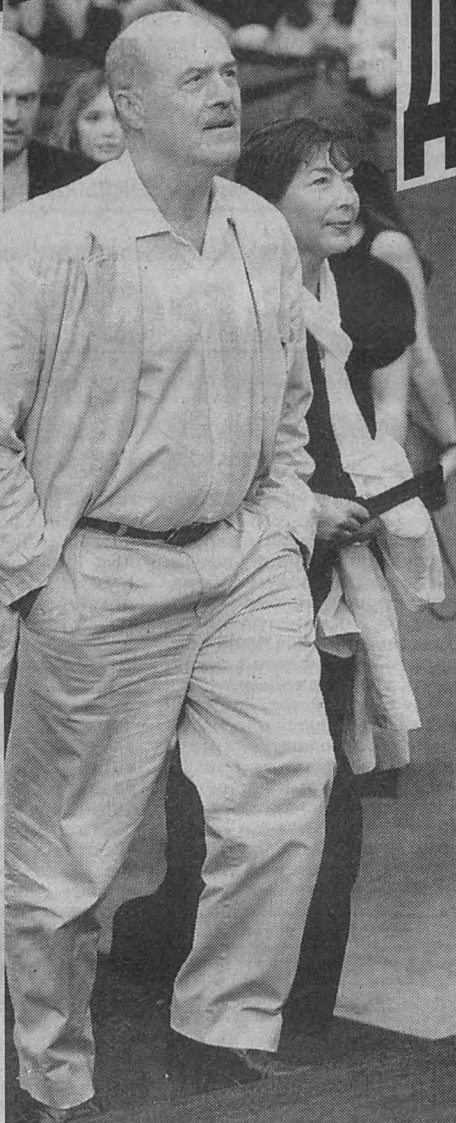
Это уже рекорд.

Па-де-де

Станислав ГОВОРУХИН:

«Я веселый улыбочивый хохотун»

ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕМОКРАТА

комиссии СК по правовым вопросам подал в суд иск о том, что на выборах председателя СК РФ Ви созваны были допущены нарушения устава. Вы принимали участие в инициации иска?

— Нет, к иску я не причастен. Но VI съезд СК — это типичная узурпация власти, игра в наперстки. Там не было молодежи — тех, кто делает сегодня кино. Там почти не было мастеров, может, пять-шесть фамилий. В основном приехали подготовленные, прикормленные люди из провинции. И даже в этой ситуации Михалков не набрал положенные по уставу 75% голосов. Кончили тем, что порядочные люди покинули зал, а приезжие проголосовали так, как хотел Михалков. Такой атмосферы в союзе не было никогда.

Станислав ГОВОРУХИН:

«Я веселый улыбочивый хохотун»

— Вам, я знаю, творчеством жертвовать не приходится. Вот Виктор Сухоруков, лауреат театральной премии «МК», грозился прийти от вас на вручение прямо в мундире. Снимаете что-то военно-историческое?

— Нет. Действие происходит в 1947 году на металлургическом заводе. А директора оборонных заводов тогда считались гражданскими генералами. В основу фильма лег первый литературный скандал посталенинской России. Второй — «Доктор Живаго» Пастернака, третий — «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева напечатали сразу после XX съезда партии в «Новом мире», страна читала взахлеб, эта книжка издавалась во всем мире. Потом ее изъяли из библиотек, писателя отлучили от литературы, обвинили в клевете и оставили без копейки денег. Вот этот роман я сейчас и экранизирую.

— Вы геолог по первому образованию. Следовательно, романтик? Этот жанр в кино вам ближе?

— Да. «Вертикаль», «Пираты XX века» (правда, там только мой сценарий), «Дети капитана Гранта», «Приключения Тома Сойера»... Романтические приключения — это мой любимый жанр.

— А как же вы тогда рисковали идти в политику? Приключения те еще...

— Началась революция под названием «перестройка». Многим показалось, что от них тоже зависит судьба родины, судьба отечества. К моему слову прислушивались. А потом, что значит политика? Политикой я как раз активно занимался в конце 80-х. Снимал фильмы «Так жить нельзя», «Россия, которую мы потеряли». Вот это была чистая политика, люди жгли партбилеты после просмотра. А когда я уже был в Думе, так там политики никакой не было. Только в первой Думе немножко, какие-то крохи во второй. А в Думе третьего созыва я уже откровенно скучал и страдал. Это был уже послушный Кремлю орган.

Политике

— Вершиной вашей политической карьеры было то, что вы баллотировались на пост президента. Скажите, вы действительно рассчитывали победить на выборах?

— Да нет, конечно. Это уже чисто из любопытства. Почувствовать себя в шкуре кандидата. Посмотреть, что такое фальсификация.

— А она была?

— Еще какая! Я не москвич, в Москве набрал только два процента голосов. На Чукотке, где никогда не был, набрал около процента. А в Казани, где меня хорошо

знают, где я окончил университет, создавал телевидение, я набрал 0,15%. А там каждый третий человек говорил: мы за тебя голосовали! Было очень интересно узнать, как голосуют люди, с которыми я много лет прожил. Выяснилось, что меня не любят только там.

— Говорят, по воскресеньям вы играете в бильярд с Геннадием Зюгановым. Он же коммунист! Или во время игры нет политических разногласий?

— Сегодня любой начальник — бывший коммунист. Только одни перекарасились и объявили себя демократами, а другие — нет. Последние, надо сказать, вызывают больше уважения. Кстати, я живу в «Снегирях», где живет и Зюганов. Играю с ним, и, надо сказать, играю с удовольствием.

— Значит, по убеждению вы остаетесь демократом?

— Слово «демократ» сегодня дискредитировано. Мы строили демократичную Россию, а построили криминальную. То есть имеем совсем другое, что хотели получить демократы первой волны, а я — из них.

— Вы считаете, мы окончательно потеряли Россию?

— Россия будет такой, какими вырастут ее граждане. А тут у меня надежд, к сожалению, не много. Я помню, Кириенко баллотировался в Думе на должность председателя правительства. Говорю ему: Сергей Владимирович, произнесите хоть раз в своем докладе слово «культура»! Ну что вы, как Геббельс, при слове «культура» хватаетесь за маузер? Обещал. И забыл.

— Сегодня вы бы стали баллотироваться в президенты?

— Нет. Как эксперимент это было интересно. А сегодняшняя политика в первую очередь — это мощный финансовый ресурс. У меня нет таких денег, какие, предположим, вкладывают в Явлинского. И даже денег никаких не хватит, если нет второго ресурса — силового и административного. У Ходорковского было достаточно денег, чтобы выиграть выборы. К тому же он умница. И где он теперь со своими амбициями?

И вообще

— Давайте переключимся на более спокойные темы. Чем еще вы увлекаетесь, кроме политики, кино и театра?

— Искусство — во всех его видах. Например, обожаю рисовать. Лет десять занимался живописью, у меня более ста картин. Последние две мои выставки были в Академии художеств. Для меня это было новым и интересным делом. Сейчас, правда, немножко поостыл, понял, что я все-таки не Левитан. Еще в свое время неплохо лазал по горам...

— Какие вершины покорили?

— Ничего особенного. Эльбрус, пик Корженевской на Памире, пик Ленина. Есть несколько больших вершин, но то, что сегодня творят альпинисты, — за гранью моего понимания.

— Говорят, что все трюки в фильмах вы выполняете сами. Какой был самый экстремальный?

— Выдающихся рекордов я не делал. Все основные трюки были в «Ассе», их в состоянии выполнить любой достаточно спортивный человек. Допустим, взлететь по веревочной лестнице, перехватываясь за ванты, — нужны только сила и некоторая сноровка и главное — не бояться высоты. Сейчас бы я сам этого не сделал...

— Помните, в «Ассе» дело происходит зимой, а вы с Банананом плаваете в море. Может, этот фрагмент снимали летом?

— Дело действительно было зимой. Во время съемок этой сцены я умирал от холода, рассчитывал на Бананана, может, он откажется. Но он полез, ну, и мне пришлось...

— Не за это ли ваш герой Крымов прикончил свободолюбивого Бананана?

Мой собеседник окутывается клубами ароматного дыма «Captain Black». Раздумывает. Для него органичнее не вещать и повествовать, а мыслить и доказывать. Наконец усмехается иронично:

— У него было много недостатков...

— Сейчас мы с вами находимся в здании театра «Школа современной пьесы», где раньше располагалась ресторанция Люсьена Оливье. Что вы предпочитаете в жизни: домашнюю пищу или походы в ресторан?

— Дома лучше, моя жена великолепно готовит. Но, кстати, она моя воспитанница.

— Какое блюдо можете изготовить?

— Вообще-то много готовлю. Дичь. Зайчика там, утку. Раньше я готовил плов, а жене разрешил только морковку резать. Теперь она его научилась готовить замечательно. Конечно, хожу и в рестораны, поскольку кулинария для меня в первую очередь — искусство. У меня много наблюдений о ресторанах. Если вы видите ресторан с так называемыми понтами, то наверняка там плохая кухня, и чем дороже, тем хуже. Скажем, был я в городе Орске. Что он из себя представляет? Металлургический комбинат, гостиница, куда часто немцы приезжают, и больше ничего, малосенькое село, грязь, неустроенность. А местный ресторан называется «Ле Жарден». И в его меню только французские названия, например свежие устрицы. Какие могут быть устрицы в Орске зимой? В меню там фуа-гра, турнедо, а-ля португез и так далее: человек просто теряется... Это совершенно очевидные понты. Ни одного русского блюда, ухи какой-нибудь, к примеру, нет. Цены выше московских, а от этой еды у меня плохо с желудком стало. В похожей гостинице в Челябинске я попросил как-то мне сварить простой бульончик из цыпленка. Где ничего нет, просто лапша, перец и лук. Приносятся какую-то черную жидкость. Я спрашиваю: что это? Мне говорят: бульон, но мы туда влили соевый соус. Такая у нас страна.

— То есть вы ратуете за простоту и за качество?

— Конечно. Хотя есть простота, которая хуже воровства, но мы же не об этом говорим. Вот «Капитанская дочка» — ясная, чистая проза. Вот пейзаж Поленова — откуда эта простота и трогательность, как ее объяснить? Только художник высшей пробы может удивить простотой. А неталантливый художник должен выпендриваться.

— А что для вас счастье?

— Никогда не формулировал. Вообще человек должен его ощущать постоянно. Проснулся утром: мама и папа живы, дети не болеют, сам здоров — это уже счастье. А мы, к сожалению, этого не ценим.

Оксана ГЕРАСИМОВА.